Большой, светлый и какой-то холодный кабинет вызывал тоску, но я упорно возвращался в него, чтобы разобрать скопившуюся документацию. Благо, Тобирама был в этом деле педант и никогда не откладывал свою работу, не копил горы макулатуры, как его старший братец. Знаю, видел и слышал, сколько он оставил после себя. Мне же было проще. Я многое уже знал, меня с детства готовили к принятию поста, да и верные именно Тобираме люди поддержали меня, иначе бы даже условной самостоятельности мне было не видать. И пусть я еще не считался Главой Клана, только наследником при живом регенте (официально Мито-сама, неофициально же меня пилила парочка верных Тобираме советников), но кое-какие решения были в моей компетенции. К примеру, ходить на внеочередное собрание Кланов, где все жутко возмущались из-за самовольного провозглашения Хокаге Сарутоби Хирузена.

Мое присутствие было чисто номинальным. Меня подчеркнуто игнорировали, если была такая возможность, проявляя вежливость только из-за вставшего за спиной старейшины. Впрочем, я не стремился высказаться, просто посматривал по сторонам и запоминал всех присутствующих, а их было мало. Большая часть Кланов была раскидана по фронтам, и Главы были такими же шиноби, как остальные. Единицы оставались в деревне, большая часть оставляла своих представителей, которые были ушами и в редких случаях голосом своего Главы. В большинстве своем они просто помалкивали, не вступая в полемику. И это напрягало, ведь в итоге все взгляды все равно скрестились на мне. Я даже не сразу осознал, что кто-то высказал мысль о том, что не слышно представителя Клана Сенджу…

Затрудняюсь сказать, чего они ожидали. Мне было на это все равно, ведь шел третий день исчезновения Цунаде и я больше волновался за дурынду-сестру, чем пытался понять насколько хорош Хирузен в роли Хокаге. Собственно, сразу было понятно, что в военное время разводить демократию — плохая идея. Если Коноха лишится лидера, и мы позволим развести демагогию по поводу, кто достойнее, нас просто сомнут. Собственно, в этом духе я и высказался, чем их удивил. Похоже, они ожидали, что за меня будет говорит стоящий за спиной старейшина.

Моя позиция никого не порадовала, но более здравые идеи при жестком цейтноте времени никому в голову не пришли. Хирузена признали достойным звания Хокаге на время войны. Довод о внутренней грызне и ее пагубном влиянии на боеспособность оказался не лишним. Они не забыли своих стремлений. Совсем нет. Просто отступили на время. Только зря я не вспомнил простую поговорку: «нет ничего более постоянного, чем временное».

— Наваки-сама, — негромкий стук в двери отвлекает от бездумного рассматривания листов с безусловно важной информацией, но сосредоточиться на ней не получается. Мне надо отдохнуть. Стук повторяется.

— Заходи, — убираю документы в папку, там не та информация, которую должны видеть даже соклановцы.

— Наваки-сама, — парень, ровесник Цуны, склоняется передо мной. — Цунаде-химе и ее товарищи вернулись.

Замираю. Пару секунд не понимая что мне сказали. Фраза по нескольку раз прокручивается в голове, прежде чем до меня доходит ее смысл. Вскакиваю, упираясь руками в стол, слишком сильно нажав на пораненную ладошку. Боль рассеивает перед глазами муть, заставляет подавить порыв рвануть к сестре сразу же. Вначале убрать документы, активировать защиту кровью, после можно идти, но вначале…

— Она цела? — жива — несомненно, иначе бы не вернулась, а вот целостность организма это уже другой вопрос и отнюдь не праздный. Редко кто из таких эскапад возвращается абсолютно целым, еще меньше неизменившимся.

— Да, Наваки-сама, — молниеносно звучит ответ, будто он не сомневался, что я спрошу. Впрочем, так, скорее всего, и было. — Цунаде-химе цела.

Папка небрежно летит в стол, подсохшая рана вновь начинает сочиться кровью стоит только чуть нажать. Легкий мазок по подобию сургучной печати активирует простейший тип защиты, заменяя важные документы на какую-то шелупонь. Если честно, я даже не знаю, где находится настоящий тайник (эта часть завещания Тобирамы мне еще не открылась), но мне известно, как делаются печати перемещения и примерный объем тайника. Подобное очень помогает в сохранении секретов.

Ящик стола закрывается с громким стуком, я слегка поторопился, захлопывая его и с трудом дожидаясь, пока принесший радостную весть парнишка выйдет следом за мной. Очередной мазок кровью, но уже по замку двери и вот активируется следующий барьер уже на весь кабинет. Теперь можно уходить не дожидаясь провожатого, попутно пытаясь подлечить рану, хотя моих способностей хватает только на остановку крови. Я должен увидеть сестру и убедиться в том, что с ней все в порядке лично.

Я не скажу, что бежал, но шел быстро. Найти Цунаде было не сложно, своим возвращением она наделала много шума, ведь изначально выбрала один из полигонов для тренировок. Вот и сейчас, вернулась и гордо стояла в окружении других детей, а на ее плече восседал крошечный слизень.

Невольно выдыхаю с облегчением, она действительно смотрелась целой. В ее позе и движениях не виделось напряга. Судя по всему, у нее нет серьезных ран. Ну, как вариант, она их уже вылечила.

— Цуна, — мне даже голос повышать не пришлось, люди заметили мое появление быстро, тут же освободив проход.

— Наваки! — ответом мне служила гордая улыбка, которая стала быстро вять под моим взглядом.

— У тебя полчаса, чтобы привести себя в порядок, а после я жду в кабинете Тобирамы-джи, — мой голос звучит сухо. Следом за облегчением пришла злость на дурынду подвергшую себя опасности. От осознания, что я мог ее потерять, было слишком гадко на душе.

— Нава…

— Я зол, Цунаде, — обрываю ее растерянный лепет. Ее не было три недели. Целых три недели страха за нее и попыток смириться с потерей деда. Я даже не знаю, что хуже. — Полчаса.

Разворачиваюсь на пятках и ухожу, провожаемый потрясенным молчанием. Я еще никогда не говорил с сестрой таким тоном, но мало кто понимает, что я сбегаю, опасаясь срыва. Еще немного и я просто не выдержу, устроив безобразную сцену на глазах у всех. Эти полчаса нужны в первую очередь мне, а не Цуне. Я должен успокоиться и взять себя в руки, чтобы не наделать глупости, но кто бы знал, как я хочу разорвать и исцеловать идиотку-сестру, но показывать слабость я не имею права. Цунаде дали слишком много воли, своим поступком она подставила всех, а не просто потрепала нервы.

Интересно, она хоть понимает, что своими действиями показала свою некомпетентность? Люди не пойдут за лидером, который сбегает. Одно действие, но оно будет иметь сильный резонанс внутри Клана. Ее больше никто не воспримет всерьез. Она сама перечеркнула себе многие возможности и ее слово теперь почти ничего не весит. Никто не будет слушать сумасбродную девицу. Жаль, что нет Мито-сама, это она должна пояснять Цуне в какую задницу она себя загнала. Хотя… это если подобное сделано не специально. Только вот я не хочу верить, что моя собственная сестра специально себя подставила, чтобы у меня не осталось выбора, только стать Главой Клана.

Думать о сестре, как о коварной эгоистичной стерве — не хотелось. Верить в вероломство — тоже. Только вот стоило отступить тревоге и страху за жизнь Цуны, как невольно начинаю рассматривать ситуацию со всех сторон и увиденное мне не нравится. Если раньше у меня было подобие страховки в виде старшей сестры, сейчас его нет. С одной стороны хорошо, я единственный наследник и Клан будет делать все, чтобы меня сохранить. С другой стороны плохо, ведь теперь не стоит ожидать, что она сможет меня поддержать. Слишком серьезно подставилась, даже увеличившаяся из-за призыва сила, ничего не даст. Ей авторитет придется восстанавливать годами, что с ее характером будет очень сложно. У нее теперь даже в госпитале будут проблемы, особенно с продвижением новых идей.

— Наваки? — в двери осторожно поскреблись, что очень непохоже на мою сестру. Неужели до нее стало доходить, что все не так уж и просто? Давно пора было. Все же смерть Тобирамы лишила нас сильного покровителя и теперь никто не будет спускать нам наши ошибки с рук. Мы за них будет отвечать в большем объеме, чем наши сверстники. Кровь обязывает.

— Заходи, — я уже немного поуспокоился, даже не прибегая к специальным средствам и техникам. Буря в душе улеглась не до конца, но уже могу мыслить без жутко противоречивых чувств. Хотя, на всякий случай, активирую в комнате барьер. Нечего остальным наши скандалы прослушивать.

— Извини, что сбежала, отото, — в комнату вошло воплощение кротости и вины. Я бы купился, но слишком хорошо знаю Цунаде, чтобы верить. Она не удержит эту маску долго. — Мне надо было… ты же понимаешь? Тобирама-джи…

— Не понимаю, — в любое другое время, пара слезинок и просящий взгляд, произвели бы на меня неизгладимое впечатление. Слишком сильно я был к ней привязан.

— Но…

— И понимать не собираюсь, — обрываю ее достаточно жестко, мрачно вглядываясь в глаза. Обиженные, но ничуть не раскаивающиеся. Она действительно в своей выходке не видела ничего предрасудительного. — Ты своим поведением подставила всех. Или ты думала, что Тобирамой-джи одна ты дорожила? — внимательно всматриваюсь в ее глаза, с какой-то обреченностью понимая, что разговора не выйдет. Не сейчас, когда она настроена воинственно, а я… просто устал. У меня нет никаких моральных сил, чтобы ей все пояснять. Уж очень сильно на меня давили все это время, особенно когда поняли, что Клан лишился даже тела Тобирамы, тот просто активировал самоуничтожение, когда понял, что проиграет. Врагов, конечно, забрал с собой, но и после себя не оставил даже пепла, что оказало сильное влияние на старшее поколение. Мне пришлось очень постараться, чтобы здравый смысл возобладал и принесшего эту весть Кагами-сана не подняли на копья. Нет, вообще, известие принесла вся команда Тобирамы, но взъелись почему-то только на Учиха. — Ты одним своим поступком чуть не поставила под удар все то, что он так старался сохранить, — мой голос негромок. — Клан тебе больше не доверяет. Ты не сможешь вести его в бой, даже просто в качестве знамени. Я слишком юн, еще даже из Академии не выпустился, меня не пустят на поле боя. Это значит, что нашими людьми, нашей семьей, будут командовать другие и мы ничего не сможем сделать, даже просто помочь. Я из-за того, что не могу покинуть пределы деревни, ты из-за потери доверия, а Мито-сама Узумаки, не Сенджу. Ты хотя бы это понимаешь, не-чан?

— Я… — она отводит взгляд.

— Пора учиться нести ответственность, Цуна, — из меня будто весь воздух выкачали. Этот маленький разговор забрал у меня сил больше, чем любой из советов Кланов. — Больше нет джи-сана, никто не прикроет твои ошибки, не сведет на нет их негативные последствия. Готовься к тому, что наша семья начнет терять влияние. В одиночку я не смогу противостоять всем. Не удивлюсь, если вскорости тебе подберут жеребца, — натыкаюсь на ее недоуменный взгляд и усмехаюсь. Вряд ли она поймет вспомненную мною шутку из той жизни. — Мужа тебе найдут Цуна, и никто не будет спрашивать твоего согласия. Медик ты, конечно, сильный, но и не таких обламывали. Вон у нас треть женщин из пленных куноичи, часть даже не в женах, а обычные наложницы, вряд ли изначально пылали любовью к пленителям. И ничего, рожали, пока могли.

— Они не посмеют, — вот в этой разъяренной кошке, я уже узнаю свою сестру.

— Больше нет Хаширамы, а теперь и Тобирамы, — я нарочно пропускаю уважительные суффиксы, делая голос холодным. — Если бы не твои поступки, Главой Клана была бы уже ты. Возраст позволяет, но, увы. Ты сама решила сбежать, — сквозь чужое бешенства появляется проблеск понимания. — Успокойся и подумай, как ты будешь держать ответ перед остальными. Времени на отсрочку у тебя не будет.

— Все настолько плохо? — стадия гнева прошла, ярость еще слышится в чужом тоне, но постепенно выучка дает о себе знать. Все же Цунаде была старшей, именно она должна была наследовать, не я. Меня держали за запасной вариант, хотели посмотреть кто в будущем будет лучше подходить на роль Главы.

— Война чуть сгладила острые углы, но и сделала хуже, — устало тру переносицу. — У нас большая часть на передовой, но мало людей при званиях. Еще меньше тех, кто достаточно авторитетен вне Клана. Мы сильно расслабились за то время, что наши Главы были Хокаге. Сильных бойцов много, но не более того. Некому собирать наших в ударные отряды, а в составе чужих им действовать сложно. Слишком большая разница в умениях. Да и сенсоры легче всего обнаруживают наших, мы для них будто светлячки ночью, и тут же торопятся устранить. По моим данным, потери за эти три недели на двух человек больше, чем в предыдущие. Это, конечно, не показатель, но тревожный звоночек.

— Не все так плохо, смотри! — мне под нос подсовывают сложенные ладошки, на которых сидит громадный… слизняк.

— Приветствую, Наваки-сама, меня зовут Кацую, — сохранить невозмутимый вид и не заорать, не отшатнуться роняя стул, на котором сижу, или же просто не выбить гадость из чужих рук, мне удалось с трудом. Нет, я не брезгливый, но… внезапности они такие, травмоопасные. Обычно для тех, кто их сует мне под нос.

— Здравствуй, — киваю, аккуратно отводя чужие руки подальше. Все же я немного нервничаю, когда призывное животное, с непонятными силами, находится так близко. Мало ли что ей в голову придет? А слизень еще неприятные ассоциации вызывает. Видел я в документах Тобирамы досье на джинчурики и биджу, был там такой, как Рокуби, тоже слизень. Кислотой плюется за милую душу. Это… эта Кацую чем-то похожа, пусть из-за малого размера вызывает меньше опасений. — Цуна, чем нам может помочь… ммм… — вовремя проглатываю слово «слизняк», незачем обижать ни в чем не повинное животное, — Кацую?

— Она может делиться на множество частей, а я могу передать их соклановцам и… — смотреть на воодушевленную девочку приятно, только вот ее идея бред. Особенно для только подписавшего контракт.

— И долго ты можешь поддерживать ее существование в нашем мире? — я даже испытал садистское удовольствие, обрывая ее на полуслове. — На какой дальности Кацую может слышать свои части, да и может ли вообще? — судя по тому, как Цунаде резко замолчала и даже не пытается открыть рот, ответить ей нечего. — Идея хорошая, отработай реализацию, хотя бы со своими сокомандниками, а после обсудим насколько она эффективна в нашем случае.

— Я поняла, Наваки, — отвечает она уже слегка неразборчиво, взгляд расфокусирован, кое-кто уже планирует новые опыты и тренировки. Интересно, когда до нее дойдет, что это все равно бесполезно? Хотя бы из-за того, что она не сможет все время быть при мне, да и не можем мы влиять на происходящее сильно. Клан Сенджу утратил большую часть влияния и продолжает

терять.

— Иди, Цуна, тебе многое следует обдумать, — дальнейшее общение бессмысленно. Она уже сделала свои выводы и напрочь забыла о них, увлеченная новой задачей. — Приятно было познакомиться, Кацую.

— Мне тоже, очень приятно, Наваки-сама, — благовоспитанно попрощался утаскиваемый прочь слизень. Едва успела, моя сестра слишком ушла в себя и испарилась из кабинета очень быстро, даже не попрощавшись.

Ками-сама, как же я устал… только расслабляться нельзя. У меня на повестке дня общение с Орочимару и Джираей. Мне даже интересно, какие призывы у них и какую можно извлечь пользу. Ну, кроме попыток получить контракты в Клан. Правда, это придется обговаривать отдельно, не только с парнями, но и со зверьем. Надеюсь, те окажутся такими же дружелюбными, как Кацую.

Отскрести себя от стула оказалось сложновато. Никогда не думал, что общение с сестрой выпьет из меня всю душу, но тут уж ничего не поделаешь. Я должен был до нее достучаться, вопрос в том, а получилось ли? Время покажет, а пока у меня есть и другие дела.

Продолжение следует…

http://tl.rulate.ru/book/55597/1421638